

Централизованная библиотечная система
Библиотечно-информационная служба

Главное – я камышловец

Камышлов 2011

**ББК
Г52**

Г52 **Главное – я камышловец:** сборник
краеведческих материалов о журналисте ТАСС
А.П.Романове. – Камышлов: Центр. библиотечная система,
2011. – с. 34, фото.

В ПРЕДДВЕРИИ пятидесятой годовщины первого полета человека в космос центральная городская библиотека города Камышлова выпускает сборник материалов, посвященных автору множества репортажей и книг о космосе и космонавтах – камышловцу Александру Петровичу Романову.

О себе наш земляк всегда писал скромно – в несколько строк, как, например, в письме, датированном апрелем 1999 года:

«Мой дед, Василий Иванович Романов, в далеком прошлом был машинист паровоза. Его дети, в том числе и мой отец – Петр Васильевич, служащий районного лесничества, родились, выучились в Камышлове, работали в городских учреждениях. Кажется, наш бывший деревянный дом на улице Комсомольской, под номером тридцать один, до сих пор еще жив. В нем я провел детство и юность. Оттуда пошел на железную дорогу. А ныне я литератор. И сейчас работаю над документальной автобиографической повестью. Одна из ее глав так и называется: «Я – камышловец». Естественно, что герои, нарисованные в этой главе, – мои сверстники-камышловцы. Был бы рад, если все рассказанное в ней станет интересным сегодняшним моим землякам – значит, не зря стараюсь...»

Рассказ о годах, прожитых в Камышлове, А.П.Романов обрывает неожиданно – детство, отрочество остались позади, а впереди – трудная пора взросления. Впереди – учеба в Москве, знакомство с будущим академиком С.П.Королевым, переросшее в

крепкую дружбу, определившее в дальнейшем направленность всего журналистского творчества Александра Романова.

Что же касается его автобиографической повести, то автор в одном из своих писем, адресованных корреспонденту газеты «Камышловские известия» Е.И.Флягиной (*«Открыла» Романова для камышловцев заведующая городским музеем Антонина Михайловна Белоус, после ухода которой из жизни «эстафетную палочку» переписки с Романовым подхватила уже Елена Ивановна – М.Л.*) пишет вот что: «Во имя чего я взялся за этот труд? Ради одного: пришедшие и идущие нам на смену поколения должны знать историю своего Отечества, родного края, города – и не только по значительным и эпохальным свершениям, но и по мелким каждодневным делам. Ведь из них, в конце концов, как из кирпичиков вырастает дом, складывается большое здание страны. Я не вел дневников. Единственное подспорье – мой архив, многочисленные фотоснимки и, конечно же, память – удивительный дар всемогущей природы, хотя с годами не всегда совершенный и надежный архивариус. Потому возможны неточности в именах, фамилиях и датах. Рассказывая о своем прошлом, я посчитал необходимым заострить внимание на своих корнях – очень важно каждому из нас знать истоки семьи, рода (уж простите мне некую назидательность фразы, но это так). И последнее в этой связи: перелистывая неоднократно страницы прошлого, я каждый раз отчетливо слышал голос своего школьного учителя словесности – Софрона Николаевича Асанова. Мурашки пробегали по коже, когда он читал звучные строки стиха Маяковского: Отечество славлю, которое есть, но трижды, которое будет...»

Идея предлагаемого вам сборника заключается в том, чтобы привлечь внимание к столь именитому земляку, свидетелю и участнику великих событий в освоении космоса, и предоставить материалы, имеющиеся в городской библиотеке. В издание включены отрывки из главы «Я – камышловец», написанной самим Романовым, воспоминания наших читателей о нем самом и его друзьях-одноклассниках, а также фрагменты книг Романова, посвященных освоению космоса.

*Марина ЛАВРЕНЦЕВА,
заведующая отделом
библиотечно-информационной службы
центральной городской библиотеки.*

«Эту минуту мне не забыть никогда. Я стою среди кабинета, залитого ярким солнцем. В руках два белых листка. Смотрю на них и чувствую, как от волнения перехватывает дыхание. Я молчу, не в состоянии выговорить что-либо. А потом, прыгая через три ступеньки, несусь в телетайпный зал. И узкая перфорационная лента уносит в 53 страны мира историческое сообщение ТАСС о полете Юрия Гагарина. Это было в 10 часов 13 минут 12 апреля 1961 года».

Эти строки принадлежат перу научного обозревателя ТАСС, первого журналиста, аккредитованного на космодроме Байконур, А.П.Романова.

Александр Петрович Романов – автор множества репортажей, газетных публикаций, серьезных книг о космосе и космонавтах. И многие из нас, вероятно, сталкивались с его именем, но не каждый знает, что родом Романов из нашего города. Здесь прошли его детство и юность. Здесь, в 30-е годы прошлого столетия, он окончил железнодорожную

школу ФЗО. Здесь живут его родственники. Вот от них-то директор Камышловского музея А.М.Белоус и узнала о нашем земляке, известном журналисте.

Антонина Михайловна написала письмо в Москву, и Александр Петрович ответил ей. Так завязалась переписка, и в музей стали приходиться бандероли и письма. Вскоре работники музея смогли оформить даже небольшую экспозицию, рассказывающую о Романове.

В числе присланных из Москвы материалов было немало и фотографий, сделанных, кстати, самим Александром Петровичем. Среди них есть особо значимые – снимки первого в мире космонавта Юрия Гагарина, его корабля «Востока», домика академика Королева на Байконуре.

С памятного 1961 года ведет летоисчисление тесная дружба, связывающая космонавтов и журналистов. Как специальный корреспондент ТАСС, Романов был первым журналистом страны, присутствовавшим на стартах космических кораблей. Написаны им и стихи о космонавтах, ставшие затем песнями, музыку к которым сочинил композитор Борис Мокроусов.

В своих письмах Антонине Михайловне Романов выражает признательность, что его помнят и чтут на малой Родине. С нашим городом у него связано многое: школа, вступление в комсомол, друзья. Это великолепный университет, давший ему крылья творчества.

Татьяна ИВАНОВА,
(художественно-публицистический
альманах
«Камышловские встречи»,
Камышлов, 1991).

РОМАНОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Факты из биографии

За время работы А.П.Романов неоднократно встречался с руководителем космических полетов академиком С.П.Королевым, с космонавтами Ю.Гагариным, Г.Титовым и другими.

Автор книг:

«Конструктор космических кораблей»,

«Космодром, космонавты, космос»,

«Ракетам покоряется пространство»,

«Сокол голубой планеты»,

«Сыны голубой планеты».

Романов – автор пьесы о С.П.Королеве «Я – «Заря-1», или Один день из большой жизни». Пьеса шла на сценах многих драматических театров страны. Его статьи печатались в журналах «Новый мир», «Огонек» и других.

«Я – КАМЫШЛОВЕЦ»

Из автобиографической повести
Александра РОМАНОВА
«Прощание с XX веком»

Как дед Василий в Камышлове оказался

Василий Иванович Романов, мой дед по отцовской линии, навсегда остался в моей памяти – высокий, почти двухметрового роста, с густыми бровями, прикрывавшими серые строгие глаза, с усами и окладистой бородой. Паровозный машинист, он не один десяток лет водил товарные и пассажирские составы, слыл человеком слова, мастером своего дела далеко за пределами Камышлова, где служил. А Камышлов, между прочим, по тем временам был одним из крупнейших железнодорожных узлов на перегоне Екатеринбург-Тюмень, соединяющем Европу с Азией.

Сын слесаря железнодорожных мастерских города Зарайска, что недалеко от Рязани, он с малолетства был приучен к труду. Первая его работа – подносчик инструмента в цехе, где трудился отец. А позже, буквально за года два или три, он освоил профессии слесаря, токаря, клепальщика, шлифовщика и плотника, без которых не могло обойтись ни одно уважающее себя паровозно-вагонное хозяйство. Молодой рабочий, окончивший церковно-приходскую школу, он мечтал получить новую, редкую по той поре профессию машиниста паровоза. Начал с кочегара,

продолжил помощником, и все это время учился, учился и учился...

Живя в маленьком провинциальном городишке, считался парнем самостоятельным, видным. Многие девчата в округе заглядывались на него, но сердце Василия уже было покорено Ольгой Вересиной – единственной дочерью священника отца Самсона, служившего в городском храме. Рано овдовев, тот души не чаял в Оленьке – невысокой, смугловатой, с темными поблескивающими глазами и быстрой на ноги. Девушка уже невестилась. Но у батюшки по этому поводу было свое мнение – ему в соседнем приходе весьма приглянулся молодой дьякон, и отец Самсон увидел в нем достойного спутника жизни для своей дочери. Но отцовскому замыслу не суждено было сбыться – не ведал он, что Василий и Оленька уже встретились однажды в храме на богослужении, и их души, как это часто бывает, с первого взгляда кинулись навстречу друг другу. С этого все и началось...

Как то в летний полдень 1875 года, когда отец Самсон закончил утреннее богослужение, пред ним предстал молодой человек, опрятно одетый – в темном пиджаке и синей косоворотке.

– Кто ты? Как наречен, сын мой? – чуть прищурившись, посматривая снизу вверх на рослого, статного парня, спросил отец Самсон. – Какая нужда привела тебя в храм?

– Василий я. Сын Ивана Романова, – сказал в ответ парень и смущенно замолчал под пронизательным взглядом священника. Не зная, с чего начать, замял большими руками черный картуз с лаковым козырьком. Однако справился с волнением и выпалил: – Батюшка, отдайте Оленьку за меня. Больно любя она мне. И я ей люб...

Священник чуть было не задохнулся от неслышанной наглости, а потому, забыв о сани, закричал во все горло, передразнивая:

– «И я ей...» Да откуда ты взялся?! В церкви тебя я отродясь не видел! Ишь ты, на сладкий пирожок позарился... Удумал что... У нее жених есть, не тебе, голодранцу, ровня... Выкинь блажь из головы... – но увидев помрачневшие, закипевшие гневом глаза непрошеного жениха, испугался, поспешил в глубину церкви, и уже оттуда напоследок крикнул: – Мало тебе заводских да фабричных блудниц? Любую бери – благословлю...

Прошла не одна неделя после неудачного сватовства Василия Романова к Ольге Вересиной. Но вот он снова стоял невдалеке от поповского дома. Правда, на сей раз с небольшим чемоданом в руке и проездными билетами в кармане – до мало кому известной станции Камышлов. А любимая, между тем, собрала самое необходимое в узел из материнской цветной шали и, сотворив молитву пред образами, перешагнула через подоконник к Василию.

К месту нового назначения помощник паровозного машиниста Романов с женой (не знаю, где, когда и какой священник скрепил их союз, но судьба больше никогда не приводила их в подмосковные края) ехали несколько суток. А по прибытию в Камышлов Василий получил небольшую казенную квартиру, откуда уже через два дня отправился в первую поездку. Проводив мужа, Ольга стала обживать новое место, проявив немалую хозяйственную сметку.

Отец Самсон крайне огорчился по поводу обрушившегося на него позора. Придя в очередной раз в бешенство, горячий, неуправляемый, не удержался

и прямо с церковного амвона наложил епитимью на свою любимицу-дочь. А ведь проклятие – высокая мера религиозного наказания «заблудшихся овец», страшнее ее лишь отлучение от церкви. Прихожане по-разному отнеслись к поступку батюшки. Те, кто был постарше, поддерживали, одобряли его, а молодежь втайне восхищалась ослушниками. Так вот, толи и в самом деле проклятие дурно повлияло на молодых, толи что-то другое случилось, но желанный ими первенец родился мертвым... Ольга едва не сошла с ума – хорошо, Василий сумел выходить ее. И та, забыв про все на свете, начала часами простаивать у маленькой иконы с ликом Богородицы, и молилась, молилась, молилась...

Местный батюшка, узнав о беде в семье Романовых, надоумил супругов написать в Зарайск покаянное письмо. Отцовское сердце дрогнуло, и старик-священник простил ослушников, посчитав произошедшее «волей Божьей». После чего, в году 1879-м, в семье Василия и Ольги родился еще один ребенок – Петр Романов, мой отец.

Дом в лесу, с цыганским табором рядом

Я любил наш лесной дом, его тишину, пение птиц, утренний клич петуха. А дом и в самом деле был хорош – бревенчатый, на высоком фундаменте под железной крышей. Две комнаты, кухня. И много, много окон. Он принадлежал лесному ведомству, в котором служил отец. К дому примыкали хозяйственные постройки, над которыми высоко в небо возвышался колодезный журавель. А еще были огород и что-то вроде сада, где росли черемуха, несколько берез да дикая смородина с малиной. Все подворье, обнесен-

ное легкой изгородью, одной стороной выходило к вечнозеленому сосновому бору, а другой – к полям и лугам. Усадьба стояла как бы в перекрестии нескольких проселочных дорог, расходившихся в разные стороны и связывающих нас со всем миром.

Возле одной из таких дорог, на поляне возле леса, на лето «прописывался» цыганский табор. Шумный, песенный. И как только табор расставлял кругом свои повозки, отец шел к цыганам в гости – он там дружил с кем-то. По словам мамы, отца с цыганами связывал его интерес к лошадям – он любил их и знал в них толк. Сам часто менял лошадей. Подержав немного одну, менял на другую, как ему казалось – лучше. Но корысти от этого не имел. Об увлечении родителя лошадьми мне долго напоминали книги коннозаводчика князя Орлова, разводившего знаменитых рысаков, славящихся и за пределами России, – я листал их, разглядывал картинки...

Была рядом с усадьбой еще одна дорога – в Зверевку. В той деревне жили сестры и братья моей матери, Натальи Павлиновны. Мы нередко наезжали к ним. Конечно, встречался я и с дедом Стихиным. Однако помню его слабо, хотя ко времени первой встречи с ним мне набежало уже почти пять лет – почему так, не знаю. Зато помню, как мать говорила, что мой малый рост, темноволосость и голос – это все от стихинской породы.

Моя мама мало чем походила на своего отца, оседлого цыгана, больше – на русскую женщину. Среднего роста, хрупкого сложения. Большие голубые глаза с выражением легкой иронии освещали ее нежной белизны лицо, придавая всему ее облику женственность и даже лукавство. Порой она выглядела тихой, даже

робкой, но это только казалось. Рассказывать о себе не любила, но как-то, уже во время моего отрочества, позволила себе это сделать – так я узнал, что в шестнадцать лет, поссорившись с отцом, мама ушла из дома. Ее приютил Ирбитский женский монастырь, при котором существовала школа, некое подобие нынешних ремесленных училищ. Способная, энергичная, трудолюбивая, она быстро освоила все, чему там учили. Но к религии не пристрастилась, а потому через два с половиной года покинула монастырские стены. Домой не вернулась, осталась жить в Ирбите.

К своему прошлому в разговорах со мной мама возвращалась еще пару раз, но вот о встрече с отцом – никогда, ни слова. Так и осталась тайной история их союза. «Какой ветер, – размышлял я, – занес Петра Романова из Камышлова в Ирбит, в лесхозное ведомство? Откуда у него столь далекая от деда Василия, паровозника, профессия лесообъездчика?» Я знал, что в свое время, еще при царе, отец окончил реальное училище, работал на дороге, отслужил положенное в армии. А что произошло дальше? Почему он обосновался в Ирбите, да не в самом городе, а с цыганами рядом? Став старше, я сделал однажды еще одну попытку завести с матерью разговор на эту тему, но ответа не почил. Пошел к отцу, но и он ничего нового мне не сказал:

– Подрастешь – узнаешь. Все как у всех...

И однажды я кое-что узнал, вернее – увидел, но легче мне от этого не стало – вопросы оставались по-прежнему. Итак, что же произошло?

Где-то в октябре 1921 года отец и мать вернулись из Ирбита в необычайно хорошем настроении. Дед Василий, еще вчерашним вечером приехавший к нам на кордон, встретил их по-особому – расцеловал

мать, обнял отца, а после передал им маленькую иконку, добавив:

– Сие есть благословение от Ольги Самсоновны.

Потом, шагнув ко мне, подхватил под мышки, поднял под потолок и громко, четко произнес:

– Ну, Александр Романов, расти большой!

Затем, после всей этой церемонии, в самой светлой комнате накрыли стол (тут надобно сказать, что прежде завтрак, обед и ужин проходили всегда на кухне). И в центр этого стола, на белую скатерть с кружевами, водрузили большущий самовар, поставили красиво разукрашенный пирог, накануне испеченный матерью, другие сладости из городских магазинов. Дед из графинчика налил в три рюмки водочки и что-то проговорил напутственное. Жаль, не помню что. Мое внимание тогда привлекли большое кольцо на руке у матери – как у цыгана, однажды приходившего к отцу, и маленькие сережки с красивым голубым камешком в ушах.

Конечно, сегодня я понимаю, что дед Василий тогда приезжал к нам не случайно – все увиденное мной было своего рода свадьбой, пусть и без церковного обряда, без гостей. Однако то, что предшествовало данному событию, так и осталось не узнанным.

«Азбука» деда и «художества» внука

Прошел год. Наша семья перебралась к деду Василию в город. Что послужило тому поводом, мне также не известно. Но думается, что голод – время-то было невеселое. Между тем, под крыло Василия Ивановича и Ольги Самсоновны перебрались семьи и других Романовых. Это второй сын Азарий – командир Красной Армии, и его жена Прасковья – медсестра. Это Степан Пульников – в прошлом боец Ча-

паевский дивизию, ставший мужем старшей дочери Валентины, и мясоторговец Федор Давыдов, покоровший сердце средней дочери Клавдии. Это и фармацевт Павел Вяткин, женившийся на младшей дочери старших Романовых – Александре. У всех у них были свои дети, правда – девочки, а потому дед все свое свободное время проводил со мной – как он говаривал, с единственным носителем громкой фамилии Романовых. При этом учил меня жизни – словом и делом. В его «азбуке» было четыре основополагающих момента: я должен каждый день делать что-то полезное по дому, быть бережливым и аккуратным, все делать своими руками, никогда и никуда не опаздывать. Иногда я выходил за рамки его «азбуки» – подобное случалось, когда, спрятавшись под дедовской кроватью, я зачитывался книжками. И если дед это видел, то сдвинув брови, строго говорил:

– Чтобы в последний раз...

И показывал рукой на ремень, опоясывавший его, хотя, как мне помнится, он ни разу его так и не применил по этому назначению. Зато моя память из своих сусеков на свет божий вытаскивает совсем другую историю, связанную с этим предметом...

Известно, подковать или перековать коня – дело дорогостоящее. И больших денег стоил не столько труд кузнеца, сколько стоили плоские гвозди с необычной продолговатой шляпкой. И вот однажды эти гвозди попали мне на глаза. Блестящие до невозможности, они сразу же привлекли мое внимание, пробудили воображение художника – словом, я увидел в них материал для украшения деревянных санок, купленных мне к зиме. Нарисовав незамысловатый узор на их сидении, я «выложил» его гвоздями, вбив каждый по самую шляпку. Получилось красиво!

Вернувшись с работы и увидев мое «художество», отец страшно рассердился – закричал, стал быстро вытаскивать из брюк ремень. Я дал деру и спрятался в амбаре под ларем. Отец, взяв в руки длинную-длинную палку, начал меня «выкуривать» из убежища. Выскочив из-под ларя, я кинулся в подворотню, пытаюсь проскользнуть через лаз, сделанный для собаки. Но застрял: голова – за воротами, а место для наказания – во дворе. Отец, запнувшись об меня, не думал долго – хлестанул, что было сил. Я так заорал, что вопль мой услышала мама, занимавшаяся в огороде, выскочила во двор, но вместо слов сожаления я услышал смех – впрочем, отойдя от гнева, смеялся и отец. Однако тогда мне было не понятно, за что меня наказали, и я очень обиделся на отца.

Свою вину после он пытался загладить разными путями – то пряник мне даст, то по голове погладит, но я упрямо молчал. Мое сердце оттаяло лишь тогда, когда отец вывел из загона коня, посадил меня на него, и мы минут десять катались по двору. И надо отдать отцу должное, что после случившегося он уже ни разу не трогал меня даже пальцем.

Сборы у старой мельницы

В 1924 году я впервые услышал слово «Ленин». Однажды в студеной зимний день в Камышлове печально завывали станционные и заводские гудки. Стар и млад выбежали на улицы, собрались на городской площади. Гудки «пели» только в исключительных случаях – при железнодорожном крушении, какой-то другой аварии, при большом пожаре. Но в этот же раз, все было по-другому – сначала гудки, а затем митинг. Так горожане узнали о смерти основателя Советского государства. Помню, тетя Шура, младшая дочка Ва-

силия Ивановича, принесла в дом портрет Ленина в черной рамке. Дед сдвинул брови, но промолчал. А Ольга Самсоновна и вовсе не взглянула...

Но были в том году и радостные события. И прежде всего – 1 сентября. Этот день стал для меня пусть маленькой, пусть самой первой, но очень важной ступенькой на длинной лестнице, ведущей к знаниям, – я стал школьником! Не ведал я тогда, что по этой лестнице, достаточно ухабистой, мне уготовано прошагать в общей сложности восемнадцать лет. Впрочем, это были самые лучшие годы моей жизни – светлые, радостные, наполненные каждодневными узнаваниями нового.

И вот только один пример сказанному выше. От кого-то из друзей узнал, что на старой мельнице у Пышмы собираются мальчишки-сверстники, и эти сборы очень интересны. И я пошел туда. Действительно, народу оказалось много, и все в возрасте от восьми до пятнадцати лет. А заводилой был юноша лет восемнадцати. Помнится, его звали Саша – Александр Сухих. Позднее узнал, что он был членом Коммунистического Союза молодежи, а его сборы с нами – комсомольское поручение. Александр рассказывал нам о Ленине, революции, о том, чем живет страна. Мы разучивали пионерские песни, читали стихи новых – советских – поэтов, выпускали стенную газету «Барабан».

Сборы у мельницы содержали и деловую часть. Каждый из нас докладывал Александру, что он сделал для дома. При этом Сухих, одобрительно кивая головой, неизменно говорил одно и то же:

– Помог родителям – помог стране.

И сгорал со стыда тот, кому нечего было сказать. Разумеется, рапортовал и я, хотя мой доклад не

отличался особым содержанием: носил воду с водопровода для самовара, поливал в огороде огурцы и морковь, помогал деду складывать поленницу дров на зиму, утром и вечером открывал оконные ставни дома... Но как приятно было слышать эти четыре слова о помощи родителям и стране!

Учил нас вожатый и думать. Делал это он так: сообщал нам о какой-нибудь ситуации, в которую якобы он попал, и спрашивал нашего совета, как из нее вырваться. Мы любили Сашу, а потому сразу же наперебой высказывали свои предложения, спорили до хрипоты. Он нас потом благодарил. А вскоре на моей шее появился красный пионерский галстук. К тому времени я уже четко усвоил ленинское требование: «Учиться, учиться и еще раз учиться». И могу сказать с гордостью: я выполнил его – третье учебное заведение мной окончено в 1960 году...

Однако бабушке, Ольге Самсоновне, мои пионерские дела пришлись не по душе, особенно после того, как я ее спросил: почему религию называют опиумом для народа? Вопрос был искренен – я не понимал значения слова «опиум». Но бабушка, ни слова ни говоря, отвесила мне крепкий подзатыльник и приготовилась ко второму. Выручила от незаслуженной расправы тетя Шура – она перехватила руку матери и увела меня в другую комнату. Бабушка не успокоилась, пожаловалась деду, но результат для нее был неожиданным – дед поддержал меня:

– Зря ты, Олюшка, ругаешь внука. Самостоятельный растет, и по дому стал делать больше и лучше. Да, сказал не то, так это от незнания. А вот, что хотел узнать непонятное, очень одобряю, – и дед погладил меня по коротко стриженной голове. Такое с дедом случалось редко, и это было для меня высшей похва-

лой. Но бабушка не согласилась с мужем и заключила союз с отцом Стефаном.

Отец Стефан, или Взгляд на Москву с Покровского собора

Из всех священников в городе больше других Ольге Самсоновне нравился отец Стефан – он обладал ораторским искусством, говорил складно и грамотно, к тому же, несмотря на возраст, оставался статен, красив лицом, отличался веселым нравом и любил шутку. А при посещении прихожан на дому никогда не отказывался от полной рюмашки. Так как такого не любить?

Но у меня все вышло по-другому.

В первый раз с бабушкиным любимцем я встретился в Рождество, и он мне сразу же не понравился. Нет, серьезного повода для нелюбви не было, но уж очень обидным показалось его обращение ко мне:

– Когда ты, раб Божий, в храм с бабушкой будешь ходить?

Вот это слово «раб» и полоснуло сердце обидой – из рассказов тети Шуры, окончившей к тому времени советскую школу, я знал, кто такой Спартак и как расправились с ним. Так неужели и меня можно продать, как скотину?

Второй раз я встретился со священником при следующих обстоятельствах – проезжая мимо дома деда, отец Стефан вдруг остановил бричку, зашел во двор, и там, увидев меня, произнес:

– Слышал я, отрок, от Ольги Самсоновны, что ты очень интересуешься нашей матушкой белокаменной Москвой? – я растерялся от неожиданного вопроса, священник это понял, и потому продолжил

дальше: – А хочешь ее увидеть? Это можно! В пасхальные дни я разрешу тебе с бабушкой подняться на соборную колокольню, и ты с нее увидишь великий город. Только о нашем уговоре никому не говори, – предупредил батюшка напоследок, – а то много желающих найдется.

Смешно, но я, почти десятилетний школьник, поверил в поповскую байку! И с нетерпением ждал Пасху (шел 1926 год, и народ еще не боялся отмечать церковные праздники) – помогал бабушке, в чем только мог, боясь провиниться и вызвать ее гнев...

И вот знаменательный день настал. Праздничная служба в соборе очаровала меня – подобного я еще не видел: торжественное убранство главного зала, подсвеченного сотнями светильников, иконостас в позолоте резного дерева, лики святых, смотревшие на меня со всех сторон, будто я один в храме, приятный запах ладана, многоголосый хор, то плачущий, скорбящий, то утверждающий счастье и вечность бытия... А в центре всего действия – отец Стефан в серебристой ризе необыкновенной красоты, в головном уборе, напоминающем купол церкви, и его голос, исполненный благодати и умиротворения... Поражали и лица молящихся – то строгие, отрешенные от всего, то восторженные, улыбающиеся... Запомнилась и бабушка. Она была как никогда красива – в темной, вишневого цвета кофте, отделанной замысловатым узором, в широкой юбке до пят, в кружевном платке, накинутом на голову, чуть тронутую сединой. Ольга Самсоновна вся светила. И не было для нее в эти часы ничего выше пасхального дня, этой службы. «Нет, надо чаще здесь бывать», – подумалось мне тогда. Но мои размышления прервала бабушка, тронув за плечо, и я «вернулся» на землю, вспомнив, ради чего пришел в храм.

– Идем на колокольню, – полушепотом позвала она меня и взяла за руку, а затем, подхватив рукой подол юбки, чтобы не запнуться, Ольга Самсоновна пошла вверх первой.

Так, друг за другом, мы поднимались довольно долго. Вдруг, где то на третьем этаже, услышали пение – мужской голос то затихал, то усиливался. О чем песня, понять было трудно, но то, что явно не церковная – без сомнения! И пока я размышлял, о чем все-таки в ней говорилось, чуть не налетел на бабушку – та резко остановилась, поскольку вниз, раскачиваясь из стороны в сторону, спускался «солист» – высокий худой мужчина с давно нечесаной льняного цвета головой, в матросской полосатой тельняшке. Ошалело уставившись на нас, спросил, вернее – рявкнул:

– Какой черт несет вас сюда?! Там мой кубрик! Мой! – и показал рукой наверх.

– Отец Стефан разрешил, – заикнулась робко бабушка.

– Этот? Внизу? Да к чертовой матери твоего Стефана! Здесь я хозяин! Ты что, глухая?

В это же самое время до нас донесся нетерпеливый женский голос, перебиваемый плачем ребенка:

– Проша! Ты долго там?..

– Да помолчи ты, – повернувшись к нам спиной, мужик в тельняшке завернул в ответ столь непотребную фразу, что бабушка, обхватив мою голову руками и зажав мне уши, расплакалась...

Спустя некоторое время, в очередной праздник, отец Стефан по традиции заехал к нам. Был он навеселе. Батюшка, сотворив молитву, пожелав дому благоденствия и получив толику на поддержку храма, поспешил было к соседям. Но тут Ольга Самсоновна

остановила его. Как никогда раньше твердо начала выговаривать:

– Непристойно, отец Стефан, держать при божьем храме антихриста, – и рассказала священнику о богохульстве звонаря и его непристойностях.

– Ах, Ольга Самсоновна, кто из нас не грешен. Прихожан-то у меня, как ты, матушка, не одна тысяча... А звонарь Прохор на всю округу один. Да простит его Бог.

Бабушка смолчала, проглотив обиду, но провожать, как обычно, не пошла. И с того дня Ольга Самсоновна в собор больше не ходила...

Фотография из бабушкиного сундука

Зима 1933 года. Секретарь директора школы вызывает меня с урока, говорит, что звонит мама (к тому времени родители уехали из дома деда в Пульниково, жить и работать в коммуне «Путь к социализму»). Чувствую неладное. Так и есть – умер отец. Сообщив эту печальную новость, мама просит сходить к бабушке Оле – ей тоже нужно об этом сказать.

К моему удивлению, весть о смерти сына Ольга Самсоновна восприняла спокойно – зажгла лампадку, встала на колени и долго молилась, приговаривая одно и то же:

– Тому воля Божья...

Отмолившись, бабушка достала из сундука большую фотографическую карточку – видимо, еще раз хотела взглянуть на сына. Показала ее и мне. На обратной стороне пожелтевшей от времени картонки стояла дата – 1913 год. На самом же снимке, в самом центре, были старшие Романовы – Василий Иванович и Ольга Самсоновна, а далее, в разных местах, – их

дети: Петр, Азарий, Николай, Валентина, Клавдия, Александра.

Отца я не узнал. На меня смотрел высокий, интеллигентного вида мужчина лет тридцати в модном пиджаке, белой рубашке со стоячим воротником и пригалстуке. Тщательно прибранная голова с боковым пробором. Красивое лицо – прямой нос, тонкие усы с чуть завернутыми вверх кончиками, небольшая аккуратная бородка, едва прикрывающая подбородок... Смотрел и не верил, что на снимке мой отец. Он казался мне холодным, чужим. А тем временем в памяти всплывал другой образ – мужик-лесовик: русоволосый, без пробора, рыжеватые, по-крестьянски густые усы и борода, почти сливающиеся по цвету с загорелым лицом. И совсем другие глаза – теплые, добрые, приветливые. И одежда – тоже не та: косоворотка, заправленные в сапоги штаны и неизменный кожаный картуз. Это летом, а зимой – овчинная шуба, шапка-ушанка, высокие валенки, пимы по-уральски...

Галстук и косоворотка – два штриха к портрету Петра Романова. Они как два знака первой трети XX века – царского времени и советского строя. И что дали те отцу?.. А что отняли?..

«ПО-Е-ХА-ЛИ!»

Из книги Александра РОМАНОВА «Конструктор космических кораблей»

... Остались считанные минуты до последней, решающей. С.П.Королев взял в руки микрофон и стал вызывать нужных ему людей, чтобы еще и еще раз проверить готовность служб к подъему ракеты. И когда окончательно убедился в том, что все нормально, молча кивнул своему заместителю, стоявшему у перископа. Тот включил хронометр, и комната наполнилась ровным «тик-так, тик-так...»

– Я – «Заря», – обратился С.П.Королев к Гагарину. – Как слышите меня?

Гагарин: Вас слышу хорошо.

Королев: Юрий Алексеевич, я хочу вам просто напомнить...

Гагарин: Понял вас...

Королев: Ну и отлично, прекрасно. Шесть минут будет, так сказать, всяких дел...

Через шесть минут Королев снова у микрофона.

Королев: Минутная готовность, как слышите?

Гагарин: Все понял, минутная готовность. Занял исходное положение...

Стрелка хронометра стремительно мчится по черному циферблату, приближаясь к девяти. Руководитель стартовой команды Кириллов отдает последние команды:

– Продувка.

– Протяжка.

– Ключ на старт!

И, наконец, последняя, как выстрел, короткая команда:

– Подъем!

В подземный бункер донесся отдаленный гул. Это работают мощные ракетные двигатели. В перископ видно, как, выбрасывая столбы пламени, ракета дрогнула и стала медленно, как бы нехотя, отрываться от стартового устройства.

Гагарин: По-е-ха-ли! Все проходит нормально. Самочувствие хорошее, настроение бодрое. Все нормально.

Королев: Все мы желаем вам доброго полета. Все нормально.

Гагарин: До свидания. До скорой встречи...



ДОМ НА КРАЮ КОСМОДРОМА

Из книги Александра РОМАНОВА
и Ивана БОРИСЕНКО
«Отсюда дороги к планетам легли»

Герман Титов, вспоминая как-то свой звездный час, сказал, что на всю жизнь остался в его памяти деревянный домик на космодроме, где он провел ночь перед полетом в космос.

Можно считать, космонавт-два подсказал Александру Романову и известному композитору Борису Мокроусову идею написания песни «Домик космонавтов». Она прозвучала по Всесоюзному радио, понравилась и Главному конструктору, и космонавтам. Вот текст этой песни:

Бревенчатый дом на четыре окошка,
Такой пятистенкой зовут на Руси.
К нему, как ручей, из бетона дорожка
От самой ракеты к крыльцу колесит.

Мы любим его, светлый домик сосновый,
Как дальних галактик таинственный шум,
Как ласку любимой, как день этот новый,
Что душу тревожит и радует ум.

Нам по сердцу все: и фонарик над крышей,
И строй тополей, и туман до утра,
И ветер ночной, что гуляет неслышно,
И Главного голос: «Вставайте, пора!»

Сегодня стартуем – фонарь не гасите.
Он нам на планете родной, как маяк.
Куда б ни занес нас могучий носитель,
Вернемся к тебе, голубая Земля!

Горит, не погаснет фонарик над домом,
На старте, как стрелы, стоят корабли.
Чудесен наш край, что зовут космодромом,
Отсюда дороги к планетам легли.

Последняя строка из песни стала названием этой книги.

СТАРТ

Из книги Александра РОМАНОВА «Космонавт-два»

5 августа.

В 9 часов по московскому времени начались предстартовые испытания ракеты. К 14 часам они были закончены. Ракета готова к пуску.

До старта – чуть более полусуток. Герман снова и снова просматривает полетную программу, в которой все знает наизусть и может сказать, что он будет делать в каждую секунду полетного времени. Вместе с инструктором-методистом они еще и еще раз разбираются в системах корабля, прорабатывают всевозможные внештатные варианты.

Утром Германа Титова предупредили, что во второй половине дня с ним хочет побеседовать Сергей Павлович. Герман знал, что Главный накануне первого старта тоже беседовал с Юрием Гагариным. Причем та доверительная беседа состоялась на вершине ракеты, у корабля.

Так было и на этот раз...

6 августа.

7 часов 12 минут. По открытой радиосвязи раздается команда:

– Приступить к посадке пилота.

Через несколько минут лифт доставил Титова к кораблю. С помощью инженера Е.А.Фролова и его коллеги он занял место в кабине корабля.

7 часов 38 минут. Закрыт входной люк. Евгений Александрович, как условились, постучал по металлу:

– Все в порядке, счастливого полета! До встречи на Земле!

Посмотрел на часы: 7 часов 42 минуты.

Ведущий инженер был последним, с кем космонавт говорил непосредственно перед полетом. До старта оставалось более полутора часов. Стартовая команда завершала подготовку ракетно-космической системы к броску в космос...

Из дневника Г.С.Титова: «Ракета оторвалась от стартового устройства и на какое-то мгновение задержалась, словно преодолевая сильный порыв ветра. В кабину донесся рокот работающих двигателей – ракету затрясло мелкой дрожью. Начали расти перегрузки, и я подумал: как хорошо, что мы, космонавты, много и упорно тренировались на центрифугах и вибростендах, что наши организмы приучены ко всем особенностям космического полета.

С первых же секунд движения ракеты я начал работать: следил за приборами, поддерживал двустороннюю радиосвязь с командным пунктом, через иллюминаторы наблюдал за удаляющейся Землей. Горизонт все время расширялся, в поле зрения возникали и ширились земные дали, залитые ярким солнечным светом. Это было во много раз грандиознее тех ландшафтов, которые раньше открывались взору под крылом реактивного самолета...»

ОДНОКЛАССНИКИ

**Из письма в редакцию газеты
«Камышловские известия»
жительницы города
Натальи КИРПИЩИКОВОЙ**

Как-то мне позвонила Т.М.Ошивалова, заведующая городской библиотекой, и попросила поделиться воспоминаниями о брате моего покойного мужа, Николае Владимировиче Кирпищикове. Оказывается, библиотека собирается издать воспоминания журналиста-ТАССовца Александра Петровича Романова.

– Но причем здесь Кирпищиковы? – удивилась я.

– Да вы что?! Николай Владимирович учился вместе с Романовым, и тот в своих записках неоднократно упоминает его имя. Вы разве не знаете? – вопросом на вопрос ответила мне Татьяна Матвеевна.

Я перечитала еще раз повесть Александра Петровича и поняла, что должна рассказать о Н.В.Кирпищикове широкому кругу читателей.

Николай родился в Камышлове – в мае 1916 года, в интеллигентной семье. Его отец, Владимир Александрович, работал бухгалтером, а мама, Александра Михайловна, – в аптеке. В возрасте восьми лет родители отдали мальчика в школу №11 – в ту, которая впоследствии станет «пятьдесят восьмой».

В своей повести «Я – камышловец» А.П.Романов так пишет о Николае:



*Николай Кирпищиков (слева)
и Александр Романов.*

«Мой друг Коля Кирпищиков в выпускной год знал этот предмет не хуже Елизаветы Семеновны, и по ее просьбе, стоя у классной доски с мелком в руках, бойко объяснял нам решение мудреных задачек». Здесь Романов имеет в виду 4-й класс, выпускной класс первой ступени, а предмет – это арифметика, которой ребят учила их первая учительница Е.С.Любимова.

В старших классах Николай и Александр были участниками так называемой «Живой газеты». Вот что по этому поводу вспоминает Романов:

«В основе выступления живгазетчиков лежал постоянно обновляющийся материал из печатных изданий на международную тему и о жизни страны, стихи, песни советских авторов, факты из жизни города, школы. Одетые в униформу – голубоватые рубашки с отложными белыми воротничками и серые брюки (девочки – в юбочки в темную полоску) – мы выглядели очень эффектно. Под аккомпанемент двух

баянистов, тоже наших школьников, строили различные живые композиции, используя плакаты, лозунги. Песня, частушка, речитатив, произносимые через рупора, усилители звука, привлекали аудиторию.

И еще один эпизод из школьной жизни, рассказанный А.П.Романовым:

«Одно время, в 5-6-х классах, практиковался бригадный метод подведения итогов успеваемости. В такой группе каждый из нас отвечал за один определенный предмет – и какую оценку получал ответственный, такую получали и все остальные в бригаде. В нашем коллективе Коля Кирпищиков отчитывался за всех по математике. А моим делом была литература».

В 1940 году Николай Кирпищиков окончил Уральский индустриальный институт. Воевал. В мирное время работал на Камышловском кожевенном заводе в должности главного инженера. Затем – в НИИ химической промышленности в Свердловске.

Умер Николай Владимирович в 1984 году.

Содержание

Вступление.....	3
Романов Александр Петрович. Факты из биографии.....	7
«Я – Камышловец». Из автобиографической повести А.Романова «Прощание с XX веком».....	8
Как дед Василий в Камышлове оказался.....	8
Дом в лесу, с цыганским табором рядом.....	11
«Азбука» деда и «художества» внука.....	14
Сборы у старой мельницы.....	16
Отец Стефан, или Взгляд на Москву с Покровского собора.....	19
Фотография из бабушкиного сундука.....	22
«По-е-ха-ли!» Из книги А.Романова «Конструктор космических кораблей».....	24
Дом на краю космодрома. Из книги А.Романова и И.Борисенко «Отсюда дороги к планетам легли».....	26
Старт. Из книги А.Романова «Космонавт-два».....	28
Одноклассники. Из письма в редакцию газеты «Камышловские известия» жительницы города Н.Кирпищиковой.....	30

Главное – я камышловец

Автор проекта, редактор – *Т.М.Ошивалова.*
Составители – *Л.К.Кириловских, М.Э.Лавренцева.*

Выпускающий редактор – *О.П.Дегтярев.*

Дизайн-макет – *М.Э.Лавренцева.*

Компьютерный набор текста –
В.К.Зверева, Е.В.Минкаирова, Т.А.Уфимцева.

Компьютерная верстка – *Е.О.Ченцова.*

При оформлении обложки использованы

фото Сергея Крысанова

и снимки из архива

Камышловского историко-краеведческого музея.

В издании использованы снимки из архива

Камышловского историко-краеведческого музея.